

5.

Антер и время. Театр и жизнь. Не новый, разумеется, вопрос. Но, что ни день, видишь, как сверкает то здесь, то там новая грань этого старого вопроса. И опять же видишь, что не по прямой только тянутся нити от жизни к сцене и от сцены к жизни, а есть сотни ответвлений, порой самых неожиданных, а порой и неожиданно смелых.

...Скромная комната московского актера. К коврику над кроватью, под портретом матери-учительницы, прикреплена медаль на зеленой, как весеннее поле, ленте, с желтой, как спелая пшеница, нашивкой: «За освоение целинных земель». Это за поездки на целину — сперва на оренбургскую, а потом — и на большую, главную целину. За радость, доставленную ее покорителям исполнением центральных ролей в спектаклях «Незнакомые люди» и «Так и будет».

Медаль «За освоение целинных земель»...Быть может, это эпизод в жизни москвича, за которым последовала обыденность? Такое не скажешь об актере Николае Емельянове. Рядом с медалью он кладет небольшую книжку в красном переплете. Антер — член бригады коммунистического труда. И не почетный член, а можно сказать, полноправный. Нет, не о случайности здесь надо вести речь, а о линии жизни.

Несколько страниц из дневника Н. Емельянова, которые мы публикуем сегодня, познакомят читателя с историей этой красной книжки.

1. Подчас кажется, что важные для нас решения мы принимаем неожиданно, вдруг. Но вдруг ли?..

События развивались как бы стихийно. Репетиция в театре кончилась рано. Домой иду пешком, бульварами. Зимнее солнце отсюда, из-за университета, спит глаза. Мимо пробегают автобусы, троллейбусы: пятый, восьмой. «А что, если сейчас взять и сесть в любой из них, и — до конца Москвы! Наверняка там есть новостройки, а значит — и строители...».

Вот и Замоскворечье. Вот появились первые фанерные листы, прибитые к столбам, заборам: СУ, СМУ, опять СУ и так до самого края Москвы. Наконец, последняя фанера — СУ-36, а дальше овраги, сугробы. Ветер гонит снег по Варшавскому шоссе. Кругом плечистые корпуса новых домов. Одни еще слепые, а другие уже улыбаются солнечными бликами оконных стекол.

Улыбаются и глаза бригадира Федора Дмитриева. Они у него светло-голубые, почти белесые. Видно, что ему не совсем ясен мой визит, в его взгляде чувствуется ирония: мол, бывали у нас и актеры, но, глотнув раз-другой пыль стройки, пропадали из виду. Я тоже чувствую себя неуверенно.

— Гляди! — неожиданно громко говорит он. — Мы третий этаж монтируем, а детали завод дает для пятого. Телефонные звонки не помогают, придется ехать на завод. Так что, ты извини...

Бригадир быстро зашагал против ветра, отвернув голову немного вправо, а я пошел «на этажи». Здесь ни души: у строителей, как выясни-

ВЫСОТА

лось, обеденный перерыв. Сзади слышались шаги, я обернулся: бровастый перень смотрит на меня, протягивает руку:

— Федор поручил вас мне, Виктор Сергеев, партгруппорг. С корпусом познакомились, а теперь пойдемте с бригадой знакомиться. Они там ждут. У нас есть целых тридцать минут...

В конторке человек пятнадцать. Все молодые лица, поблескивают любопытные девичьи глаза. Некоторое время молча изучаем друг друга. Вижу, что начинать надо мне:

— А мы с вами, можно сказать, коллеги. До того, как стать актером, я был техником-строителем. Пришел к вам работать. Да, да, работать! Будем этажи собирать, а в свободное время беседовать об искусстве...

Мое сообщение, видно, освободило людей от скованности.

— А я вас знаю, — говорит Таня, разнорабочая. — Я тогда еще девочкой была, но запомнила: в «Чести смолоду» вы играли Сергея.

— Да, играл. А о чем был спектакль?

— О чем? О войне.

— Только о войне?

— Ну, не только. Еще о любви Сергея к Люсе...

Уже в тот первый день я заметил, что мои новые друзья весьма

свободно рассуждают о своей работе, о жизни, а вот когда об искусстве заходит речь, то им сразу становится трудно. Схватывают чаще всего только внешнюю сторону произведения.

Но в чем им никак не откажешь — в чувстве правды. Со свойственным людям труда реализмом они тотчас замечают всяческие отклонения художника от жизненной достоверности. Стало быть, есть и у них чему поучиться.

К концу перерыва вернулся бригадир. Войдя в конторку, он почему-то обратился ко мне:

— Детали будут, добился. А тут новая беда: кран встал. Прошу те-

бя, Николай Михайлович, сходи в контору и скажи, чтобы ремонтников прислали. А я пока своим работу буду давать...

Я пошел через овраг в контору и вскоре вернулся с ремонтниками. Стали подходить грузовики с деталями. Когда работа пошла полным ходом, Федор подошел ко мне и сказал:

— Спасибо. Не было тебя в бригаде — не нужен был. Пришел и стал нужен. Спасибо.

Машины идут одна за другой, а кран своей стрелой, как гигантским циркулем, чертит окружности на голубом небе. Выйдя на шоссе, я обернулся в надежде увидеть «свой» кран. Но, увы, их слишком много, и все пишут по небу окружности.

2. Нет, важные для нас решения мы принимаем отнюдь не вдруг! Каждое из них готовит исподволь наша жизнь. Подчас, правда, мы совсем не замечаем, как она готовит их...

В троллейбусе я вспоминаю одно лето. Память переносит меня на берег Цимлянского моря, где в дни отпуска я испытывал свое рыбацкое счастье. Четыре рыбака, засунув до колен брюки, укладывают снасти и сумки в бокастую лодку. Один из них, шумно рассекая ногами воду, подходит ко мне:

— Идем с нами в море, там рыба есть. Мои говорят: надо взять москвича, артиста.

— Откуда вам известно, что я москвич?

— А у нас в станице нового человека не утаишь... Будем знакомы — Алексей, бригадир. Я не дон Педро, я рыбак. — И Алексей, элегантно приподняв фетровую шляпу, протянул мне загорелую до локтя руку. Сграбастав всю мою кисть, смеясь, добавил: — Пардон, если больно...

Алексей — весельчак, балагур, его речь пересыпана иностранными словами, которыми он сыплет, оказывается, совсем неспроста. Это до-

вольно распространенная среди рыбаков манера подшучивания.

Через час мы были в море. Три катера тянут три большие рыбацкие лодки. Хлюпают вода под бортом.

А я в ночной тиши читаю рыбакам «Теркина». Акустика на воде прекрасная. От белой луны лежит конусом белая дорожка. Она вздрогнула — рыба ударила. И вдруг среди моря на рассвете — аплодисменты. С соседних лодок несется:

— Еще, еще читай!..

Утром рыба сдана на приемный пункт. Мы сидим у костра. Укропный аромат обволакивает нас: в котле закипает сазанья уха. Молодой рыбак читает журнал, усеянный рыбьей чешуей.

Заглядываю в журнал. Портрет Улановой. Сцены из балетных спектаклей.

— И как уж она так танцует, что слава на весь мир? Чем она лучше других? Скажи, артист!

Я рассказываю, что знаю, об Улановой, о балете. Но, откровенно говоря, прямого ответа на вопрос не даю. Сам не знаю. «Придется, думаю, по приезду в Москву кое-что почитать». Заставил меня взяться за книжки молодой рыбак!

А когда мы, отвалившись от третьей миски ухи, легли на песок, Алексей сказал:

— Пожил бы с нами годочек, и мы многое научились бы понимать. Заступай к нам в артель, будешь моим замом по культчасти...

Не с этого ли берега началась та тропинка, которая привела меня на Варшавское шоссе?

3. Моя бригада — теперь я уже имею право так называть ее — смотрела в Театре имени Ленинского комсомола спектакль «Большое волнение». Спектакль о рыбаках, борющихся за звание бригады коммунистического труда. По окончании спектакля за кулисами была встреча с артистами. Разгорелся интересный спор. Мои ребята заспорили об образе бригадира.

Виктор Сергеев сказал: — Нет, это не руководитель, это какой-то диктатор, с окриками. Это уже ушло в прошлое и не вернется. Если бригадир положительный человек, он должен быть, как наш Федор.

Один артист возразил: — Да, но вы коммунистическая бригада, а рыбаки только борются за это звание.

Толя Требухин ответил:

— Мы бы не стали работать в таком, как ваш бригадир. Артист хорошо играет, но то, что он играет, нам не нравится.

На улице, когда мы стали расхаживать по своим троллейбусам и автобусам, Настя, крановщица, тронув меня за рукав, спросила:

— Девушки в спектакле, они ведь рыбаки?

— Да.

— А руки у них позавидуешь: красивые, аккуратные, ногти ухоженные...

— Актрисы просто не загримировали свои руки. Я им об этом скажу...

4. Высот! Высота домов, которые строит моя бригада, пять этажей. Одни уже поднялись во весь рост, другие только закладываются. Прежде бригада собирала дом за пять-шесть месяцев, теперь берется за два месяца собрать. Это ее новая высота. Но не предел. Недаром в бригаде часто можно услышать слова, ставшие девизом строителей: коммунизм — наша высота!

Ник. ЕМЕЛЬЯНОВ.